

Эсхатология Николая Клюева

«КРАСНАЯ АЗБУКА» В СУДЬБЕ РОССИИ

Э. Б. Мекш

«С начала 1920-х годов, когда дальнейший путь Клюева вполне определяется как путь на Голгофу, в его лирике стремительно начинает развиваться тема Апокалипсиса, и сама поэзия приобретает звучание реквиема по Святой Руси», — так определяет творческий путь Клюева 20—30-х годов А. И. Михайлов [5]. В этот скорбный «реквиемный» список входит и стихотворение «Наша собачка у ворот отлаяла...», написанное в 1926 году. Текст стихотворения следующий:

Наша собачка у ворот отлаяла,
Замело пургою башмачок Светланы,
А давно ли нянюшка ворожила-баяла
Поварёнкой вычерпать поморья-океаны,

А давно ли Россия избою куталась, —
В подголовнике бисеры, шелка багдадские,
Кичкою кичилась, тулупом тулупилась,
Слушая акафисты да бунчуки казацкие?

Жировалось, бытилось братанам Елисеевым,
Налимьей ухой текла Молога синяя,

Не было помехи игрищам затейливым,
Саянам-сарафанам, тройкам в лунном инее.

Хороша была Настенька у купца Чапурина,
За ресницей рыбица глотала глубь глубокую
Аль опбена, аль окурена,
Только сгибла краса волоокая.

Налетела на хоромы приукрашены
Птица мерзкая — поганый вран,
Оттого от Пинеги до Кашина
Вьюгой разоткался Настин сарафан.

У матёрой матери Мемёлфы Тимофеевны
Сказка-печень вспорота и сосцы откушены,
Люди обезлюдены, звери обеззверены...
Глядь, березка ранняя мерит серьги Лушины!

Глядь, за красной азбукой, мглицею потуплена,
Словно ива в озеро, прázельень ресниц,
Струнным тёсом крытая и из песен рублена
Видится хоромина в глубине страниц.

За оконцем Настенька в пальцы душу впялила —
 Вышить небывалое кровью да огнём...
 Наша корноухая у ворот отлаяла
 На гаданье нянино с вещим башмачком.

Стихотворение Клюева «Наша собачка у ворот отлаяла...» во многом предваряет поэму «Погорельщина» (прежде всего, развитием образа поруганной красы Насти Чапуриной и темой гибели «избяной» России). Соответственно, и композиция стихотворения выстраивается контрастными изображениями России дореволюционной и России советской, а замыкает весь текст кольцевая тема смерти: «Наша собачка у ворот отлаяла / Замело пургою башмачок Светланы...» — «Наша корноухая у ворот отлаяла / На гаданье нянино с вещим башмачком».

Судьба постреволюционной России показана в стихотворении через изображение эсхатологических образов, из которых главными являются «хоромы» и «собачка у ворот». Эти образы навеяны некоторыми произведениями Есенина, чья смерть была оплакана Клюевым в том же 1926 году в поэме «Плач о Сергее Есенине». Дом и собака, как символы покинутой родины, изображены Есениным в стихотворении «Да! Теперь решено. Без возврата...» (1922): «Низкий дом без меня спустился, / Старый пес мой давно издох...» Непосредственно же клюевская строка «Наша собачка у ворот отлаяла...» является парафразой есенинских стихов из маленькой поэмы «Возвращение на родину» (1924): «По-байроновски наша собачонка / Меня встречала лаем у ворот». В целом все стихотворение Клюева является антитечным по отношению к есенинской поэме «Возвращение на родину», в которой поэт, отмечая на каждом шагу изменения в «бедном неприглядном быте» крестьян, не видит гибельности. У Клюева же тема гибели родного края является стержневой и заявлена сразу («собачка отлаяла»). Второй стих продолжает тему гибели, подключая литературные ассоциации, связанные со знаменитой балладой В. А. Жуковского «Светлана»*:

Раз в крещенский вечерок
 Девушки гадали:
 За ворота башмачок,
 Сняв с ноги, бросали...

Но, кроме литературного контекста, первые две строки клюевского стихотворения связаны и с фольклорно-мифологическим содержанием. Доминирующим здесь знаком является образ собаки (в авторской номинации — «собачки»). В мифологическом прочтении собака — «это хтоническое животное, обычно упоминаемое в старших памятниках, в связи с мотивами земли и загробного мира» [11]. Мотив смерти, заявленный первой строкой, усугубляется глаголом прошедшего времени («отлаяла») и обстоятельством места («у ворот»). Ворота — «вход/въезд в усадь-

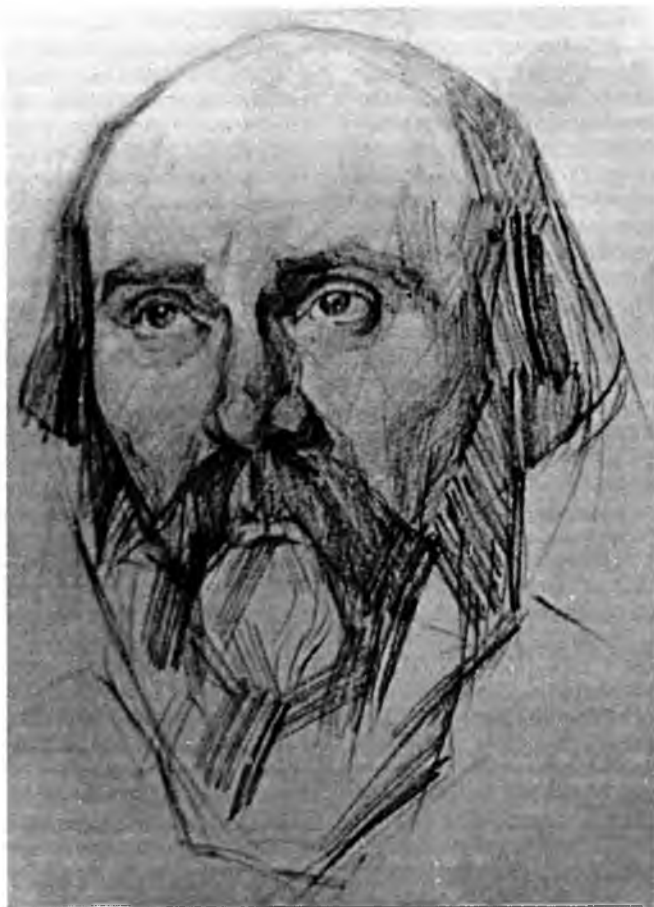
бу. Обычное положение их — закрытые, запертые или охраняемые, в этом гарантия от смерти», — пишет этнограф Л. Г. Невская [6]. У Клюева «ворота» не обозначены как открытые или закрытые, но во второй части композиционного кольца, при общем совпадении синтаксического построения, «собачка» названа «корноухой». Эту номинацию помогает понять Словарь Владимира Даля: корноухий — составное слово, первая часть которого происходит от глагола «корнать», т. е. «коротать, обрезать, остригать, окорачивать, обрезать в излишке или как ни попало». Соответственно, «корноухий» — это тот, «у кого острижено ухо» [2]. В клюевском тексте налицо физическое воздействие на «собачку у ворот», которая «отлаяла» (ср. с есенинским: «наша собачонка / Меня встречала с лаем у ворот»). Нельзя не обратить внимание на притяжательное местоимение «наша», имеющееся в текстах Клюева и Есенина (что является доказательством своеобразного «ответа» Клюева на есенинское «Возвращение на родину»): у Есенина «наша собачонка» живая, она веселым лаем встречает лирического героя, подошедшего к родному дому. У Клюева — «наша собачка» лаяла в прошлом у входа в атрий (закрытый внутренний двор). В прошлом деревенского мира Клюева были и святочные гадания, воспетые В. А. Жуковским и А. С. Пушкиным. В Советской же России «башмачок Светланы» «замело пургою», т. е. погребен дьявольским вмешательством, ибо метель, по народным преданиям, «поднимается над мертвым телом, ее вой — заплачки нечистой силы» [1]. В Клюевском тексте во второй части композиционного кольца героиня Жуковского не упоминается, она обозначается метонимически через «башмачок», но в том же композиционном кольце сохраняется образ «нянюшки» с новым вариантом темы гадания: «корноухая» отлаяла «на гаданье нянино с вещим башмачком». Няни в балладе Жуковского нет, зато она есть в «Евгении Онегине» Пушкина, у его любимой героини, которая

...по совету няни
 Сбираясь ночью ворожить,
 Тихонько приказала в бане
 На два прибора стол накрыть;
 Но стало страшно вдруг Татьяне...
 И я — при мысли о Светлане
 Мне стало страшно...

Страшно и Клюеву: его «собачка» отлаяла на вещее, не проясненное, гадание о будущем.

Таким образом, «смертное кольцо» обрамляет срединные стиховые строки, изображающие «жирование» дореволюционной России через историко-бытовые культурогемы, перемежающиеся со зловещими знаками, такими, как «птица мерзкая — поганый вран», «выюга», смерть «Мемёлфы Тимофеевны». Кровавое настоящее время обрывает размеренный ход национальной истории, отмеченной Клюевым двумя веками: былинным периодом новгородской воляницы (через упоминание «матёрой матери Мемёлфы Тимофеевны») и XIX веком (через цитаты из произведений Жуковского, Пушкина, Гоголя, Мельникова-Печерского). Вто-

*Впервые аналогичные ассоциации, связанные с балладой Жуковского, проявятся в стихотворении Клюева 1919 г. «Из избы вытекают межн...»: «Где Светлана треплется лента, / Окровавленный плат лоскут...»

Н. А. Ключев

Рисунок А. Н. Яр-Кравченко

рая и третья строфы стихотворения Клюева воспроизводят сытую, размеренную жизнь государства, фундаментальными условиями которого (по мнению автора) были крестьянство («Давно ли Россия избою куталась») и купечество («Жировалось, бытилось братанам Елисеевым»). Своеобразным знаком изобилия (в фольклорном духе, если вспомнить «молочную реку с кисельными берегами») в стихотворении становится строка «Налимьей ухой текла Молога синяя». Идеализация прошлого выразилась в тексте и в определении дореволюционной жизни как праздника: «Не было помехи игрищам затейливым, / Саянам-сарафанам, тройкам в лунном инее». Обрыв истории передается поэтом через изображение гибели купеческой дочери — любимой героини Мельникова-Печерского и Клюева — Настеньки Чапуриной. Отношение автора к ней передано через ласкательное наименование и через фольклоризованный портрет («За ресницей рыбица глотала глубь глубокую»). Имя дочери купца Чапурина трижды повторится в тексте стихотворения, трансформируясь в символ поруганной России:

1. Хороша была Настенька...
<...>
Аль опоена, аль окурена,
Только сгубла краса волоокая.
2. Налетела на хоромы приукрашены
Птица мерзкая — поганый вран,
Оттого от Пинеги до Кашина
Вьюгой разоткался Настин сарафан.
3. За оконцем Настенька в пальцы душу впялила —
Вышить небывалое кровью и огнём...

Образ «хором приукрашенных» у Клюева является свернутой цитатой описания Чапуринского дома в романе «В лесах», так же, как и «Настин сарафан» отсылает читателя к следующему изображению героини П. И. Мельникова-Печерского: «Особенно нарядно и богато разодета Настасья Потаповна. В шелковом пунцовом сарафане с серебряными золочеными пуговками, в пышных батистовых рукавах, в ожерелье из бурмицких зерен и жемчугу, с голубыми лентами в косах...»

Дочери Чапурина действительно были рукодельницы, когда «гостили девушки у тетки без мала пять годов, обучались божественному писанию и скитским рукоделиям: бисерны лестовки вязать, шелковы кошельки да пояски ткать, по канве шерстью да синелью вышивать и всякому другому белоручному мастерству». Но то было в прошлом, а в настоящее время Настенька-Россия вышивает «небывалое кровью да огнем»:

У матёрой матери Мемёлфы Тимофеевны
Сказка-печень вспорота и сосцы откушены,
Люди обезлюдены, звери обеззверены...

Картина «обезлюденья людей» и «обеззверенья зверей» выделяется благодаря композиционному контрасту, изображающему Россию прошлого и Россию настоящего. Все стихотворение

состоит из 32 стиховых строк. 1—2 и 31—32 строки являются кольцевыми, соединенными общей анафорой «наша». 2—12 строки воспроизводят образную картину недавней России («А давно ли...»). 13—23 строки изображают разгром крестьянской России: «Налетела на хоромы приукрашены / Птица мерзкая...» Картина настоящего не завершена, она обрывается многоточием, не требующим авторского комментария: в самом деле, «люди обезлюдели, звери обеззверены», будущего у такого социума нет. Поэтому и время в стихотворении обращается вспять.

Начиная с 24-го стиха по 28-й Клюев вновь возвращает читателя к образу дореволюционной России, но теперь уже она видится поэту как некий мираж или видение. И начинается это зыбкое изображение снова удвоенной анафорой глагола повелительного наклонения «глядь»:

Глядь, березка ранняя мерит серьги Лушины!

Глядь, за красной азбукой, мглицею потуплена,
Словно ива в озеро, прázелень ресниц,
Струнным тѣсом крытая и из песен рублена
Видится хоромина в глубине страниц.

За оконцем Настенька в пальцы душу впялила —
Вышить небывалое кровью да огнём...

Эта картина-видение вновь прерывается многоточием, уступая авторскому вздоху-констатации:

Наша корноухая у ворот отляля
На гаданье нянино с вещим башмачком.

В пятой строфе, говоря о России прошлого, поэт ограничился красочной метафорой — «хоромы приукрашены». В седьмой строфе, в изображении призрачной России, «хоромина» предстает «струнным тѣсом крытая и из песен рублена». В этом описании обращает на себя внимание своеобразный строительный материал в постройке деревянной избы: «хоромина» (а хоромы по Владимиру Далю, являются большим деревянным, жилым строением [3]) строится не из бревен, а из «песен», а крыша настилается «струнным тѣсом». И вся «хоромина» видится автору «в глубине страниц». Как понять этот оксюморон? Прежде чем объяснить его, надо прояснить некоторые аллюзии в тексте, связанные с темой обреченности «хором». Во-первых, эта тема содержится уже в первой анафорической фразе: «Глядь, березка ранняя мерит серьги Лушины!» Здесь ассоциативно выявляется семицко-троицкий подтекст. По народным приговорам — «Семик — на ветвях, а Троица — на цветах» [7]. Лушины серьги на березке связаны с обрядом посестримства, когда девушки украшали березу лентами, венками, бижутерией. Береза поэтому и стала своеобразной свидетельницей девичьих любовных радостей и трагедий, как об этом поётся в вытегорской лирической песне:

На пригорке в чаще леса
Береза стоит,
А на той березе белой
Девича висит [9].

А теперь вернемся к странному видению «в глубине страниц», совмещающему следующие компоненты образной картины: ива, озеро, отражающаяся в воде «хоромина», оконце, в котором видна Настенька, сидящая за пядьцами*. Видение это ирреально, увидеть его можно, если пристально всматриваться в воду (отсюда и настойчивое авторское уговаривание: «глядь»), сама же реальность апокалиптически показана в пятой строфе с упоминанием о «поганом вране» (слово «вран» метафорически содержит не только семантику «ворона», но и «врага»). В образных компонентах данной «озерной» картины совместились (как, в целом, и во всем стихотворении) литературно-фольклорные реминисценции. В литературной основе клюевского видения хорошо просматривается гоголевская традиция, в частности, 5-я глава повести «Майская ночь, или Утопленница», герой которой, Левко, в любовной маете пришел ночью на берег пруда. И вот он «с изумлением глядел <...> в неподвижные воды пруда: старинный господский дом, опрокинувшись вниз, виден был чист и в каком-то ясном величии. Вместо мрачных ставней глядели веселые стеклянные окна и двери. <...> Окно тихо отворилось, и та же самая головка, которой отражение видел на пруде, выглянула, внимательно прислушиваясь...

Слезы тихо покатились по бледному лицу ее.

— Парубок, — говорила она, и что-то неизъяснимо-трогательное слышалось в ее речи. — Парубок, найди мою мачеху!

Затем Левко видит хоровод русалок, играющих в «ворона».

— Я буду вороном! — вызвалась одна из середины.

Левко стал пристально вглядываться в лицо ей. Скоро и смело гналась она за вереницею и кидалась во все стороны, чтобы изловить свою жертву. Тут Левко стал замечать, что тело ее не так светилось, как у прочих: внутри его виделось что-то черное. Вдруг раздался крик: ворон бросился на одну из вереницы, схватил её, и Левку почудилось, будто у ней выпустились когти и на лице ее сверкнула злобная радость».

Что же касается фольклорных цитаций, то можно обратить внимание на два образа — «ивы» и «озера». Ива является важным компонентом ритуально-строительного комплекса Русского Севера: так, в Олонии (на родине поэта), «при постройке дома избегали места, где растёт ива, так как она считается печальным деревом. Её никогда не сажали в своих огородах, а если появлялась сама собой, то срубали, убирали корни. Появление ее не

предвещало ничего хорошего» [8]. А озеро «как таковое или даже сама его поверхность — гладь — имеют значение зеркала, олицетворяют самозерцание, размышление и откровение», — так определяет знаковость озера Словарь символов Х. Э. Керлота [4].

Резюмируя, можно сказать, что из «песен» рубленая деревенская изба в поэтическом творчестве Клюева составляет весьма обширный национально-культурный контекст, что наглядно видно и на примере стихотворения «Наша собачка у ворот отляла...» С. Г. Семенова права, отмечая, что «в русской поэзии он (Клюев. — Э. М.) оставался ходатаем и плакальщиком за попираемые заветы Святой Руси, веру предков, народное искусство и его сакрализованный быт» [10]. К этому ряду надо добавить и литературные ориентации от Пушкина и Гоголя до Есенина, все те имена, которые составили мировую славу национальной культуре и которая виделась поэту обреченной на гибель в постреволюционное время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грушко Елена, Медведев Юрий. Словарь русских суеверий, заклинаний, примет и поверий. — Нижний Новгород, 1995. — С. 276.
2. Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1981. — Т. II. — С. 165.
3. Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1981. — Т. IV — С. 561.
4. Керлот Х. Э. Словарь символов. — М., 1994. — С. 356.
5. Михайлов А. И. К истокам поэтического феномена Николая Клюева // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 1. — Вологда, 1997. — С. 267.
6. Невская Л. Г. Семантика дома и смежных представлений в погребальном фольклоре // Балто-славянские исследования 1981. — М., 1982. — С. 112.
7. Обрядовая поэзия. Кн. 1. Календарный фольклор. — М., 1997. — С. 92.
8. Олония: Литературно-краеведческий сборник. — Вытегра — Челябинск, 1998. — С. 52.
9. Олония: Литературно-краеведческий сборник. — Вытегра — Челябинск, 1998. — С. 74.
10. Семенова С. Г. Поэт «поддонной» России (религиозно-философские мотивы творчества Николая Клюева) // Николай Клюев: Исследования и материалы. — М., 1997. — С. 40.
11. Смирнов И. П. Место «мифопоэтического» подхода к литературному произведению среди других толкований текста (о стихотворении Маяковского «Вот так я сделался собакой») // Миф — фольклор — литература. — Л., 1978. — С. 196.

*Образ вышивания является модификацией мифологемы судьбы, весьма распространенной в послеоктябрьском творчестве Клюева, как предсказание всеобщей (в том числе и своей) смерти: «На камне могильном старуха-свобода / Из саванов вяжет крошечные сети».